

Глава первая

Мистер Памфрит, худой молодой человек с очень добрыми карими глазами (мисс Мэнсис частенько говорила, что он выглядит задумчивым), служил констеблем в Литл-Фордэме.

«Иногда мне кажется, — делилась мисс Мэнсис с мистером Поттом, — что мистеру Памфриту не слишком нравится быть полисменом».

Жена констебля, невысокая и суетливая, была настолько же белокура, насколько он — темноволос. Все подоконники в их квартире над полицейским участком занимали плюшевые игрушки, потому что у них был младенец — очень крупный и спокойный.

Мисс Мэнсис обычно находила это умиротворяющим, но когда в этот особенный осенний день после полудня под морозящим дождиком шла по дорожке к полицейскому участку, плюшевым мишкам

со стеклянными глазами и вислоухим кроликам, смотревшим сквозь стекло, не удалось её успокоить. По какой-то причине её приход сюда, ещё два дня назад казавшийся единственным разумным и верным решением, вдруг перестал казаться ей и разумным, и верным. Поднимая руку к звонку, мисс Мэнсис почувствовала, что немного дрожит. Дорогой мистер Памфрит всегда был так добр к ней, и теперь она опасалась лишиться его уважения, но в том, что она намеревалась ему сказать, не было ни капли лжи или фантазии. Мисс Мэнсис расправила плечи, к ней вернулась толика прежнего мужества, и потянула за шнур звонка.

Дверь ей открыла миссис Памфрит, раскрасневшаяся и немного растрёпанная.

— О, мисс Мэнсис, входите, пожалуйста. Вы хотите поговорить с моим мужем?

В рабочем помещении полицейского участка возле печки стояла рама для сушки белья, и на ней висели полотенца, от которых шёл пар. Миссис Памфрит мгновенно сложила раму и, направляясь к межкомнатной двери, извинилась:

— Слишком много белья: вы уж простите...

— Ничего страшного: пусть сушится здесь, — попыталась остановить её мисс Мэнсис, но миссис Памфрит уже вышла.

Мисс Мэнсис аккуратно сложила зонтик и поставила около печки, а когда протянула руки к огню и заметила, что они слегка дрожат, прошептала:

— О, боже, боже...

Послышались шаги, и в комнату бодро вошёл констебль Памфрит, вытирая губы носовым платком: похоже, его потревожили в то время, когда он пил чай. Мисс Мэнсис торопливо засунула руки глубоко в карманы и снова расправила плечи.

— Добрый день, мисс Мэнсис. Ужасная погода!

— Да, вы правы, — ответила она слабым голосом.

— Садитесь, прошу вас. Вот сюда, к огню.

Мисс Мэнсис молча села. Мистер Памфрит перенёс стул, стоявший у дальнего края письменного стола, поближе и присоединился к ней. Посетительница молчала, поэтому констебль добавил:

— Хотя к ужину, должно быть, разгуляется... увидим наконец голубое небо...

Снова повисло молчание. Мистер Памфрит повторил «к ужину», поспешно высморкался и, засовывая носовой платок в карман, непринуждённо добавил:

— Правда, фермерам такая погода нравится.

— О да, — поспешила согласиться мисс Мэнсис, — фермерам нравится...

Она облизала губы и посмотрела в добрые карие глаза констебля, как будто хотела узнать, станут ли

они ещё добрее. В наступившей опять тишине появилась хлопотливая миссис Памфрит и поставила на табурет рядом с мисс Мэнсис чашку чая с молоком.

— О, как это мило! — воскликнула посетительница, а миссис Памфрит поспешила выйти.

Мисс Мэнсис задумчиво посмотрела на чай, взяла ложечку и, очень медленно его помешивая, наконец подняла глаза и ясным твёрдым голосом произнесла:

— Мистер Памфрит, я пришла заявить о пропаже, хотя, возможно, это кража.

Констебль приготовил блокнот, а мисс Мэнсис отложила ложечку и сжала руки на коленях. Её длинное худое, удивительно девичье лицо выглядело серьёзным. Мистер Памфрит снял колпачок с авторучки и замер в ожидании, пока она соберётся с мыслями.

— Вернее, о пропаже людей — так будет правильнее. Можно даже назвать этот случай похищением!

Констебль задумчиво посмотрел на неё, аккуратно постучав авторучкой по своей нижней губе, и предложил:

— А что, если вы просто расскажете, что случилось?

— У меня не получится просто рассказать, — сказала мисс Мэнсис, потом, немного подумав, добавила: — Вы знаете про игрушечный городок мистера Потта?

— Да, знаю, — кивнул мистер Памфрит. — Что-то вроде приманки для туристов. Поговаривают, что мистер Платтер из Уэнт-ле-Крейса тоже делает что-то подобное.

— Я слышала.

— Только у него городок будет более современным, так как он собирается сделать в это значительные вложения.

— И это мне тоже известно. — Мисс Мэнсис снова нервно облизала губы, мгновение помолчала, потом отважно продолжила: — Давайте всё же вернёмся к нашему городку: мистера Потта и моему. Вы же знаете, что мы с ним в некотором роде партнеры? Он делает всё, что касается домов, а я — людей, животных, птиц...

— Да, они прямо как живые! — с восторгом откликнулся констебль.

— Верно. — Мисс Мэнсис сильнее сжала пальцы. — Но, видите ли, не все фигурки сделала я: те, которые пропали, я не делала.

Мистеру Памфриту удалось сохранить на лице выражение озабоченности, когда он с облегчением выдохнул и коротко хохотнул:

— Ну, теперь понимаю: не хватает некоторых фигурок — так? А то я решил было, когда вы заговорили о похищении...

— ...что я говорю о людях? — быстро проговорила мисс Мэнсис, глядя ему прямо в глаза. — Так и есть.

Мистер Памфрит сразу же стал очень серьёзным и занёс авторучку над блокнотом.

— Но это же совсем другое дело! Один человек или несколько?

— Несколько.

— Сколько же?

— Трое, семья: отец, мать и ребёнок.

— Фамилия? — спросил мистер Памфрит, торопливо записывая.

— Куранты.

— Куранты?

— Да, Куранты.

— По слогам, пожалуйста!

— Ку-ран-ты.

— Ах, Куранты! — Мистер Памфрит записал, прочитал написанное, и оно явно его удивило. — Занятие отца?

— Он по профессии сапожник.

— А сейчас?

— Думаю, что так и остался сапожником, хотя на жизнь зарабатывает не этим.

— Чем же?

— Я не думаю... что вы о таком слышали. Он добывайка.

Мистер Памфрит посмотрел на мисс Мэнсис без всякого выражения и спокойно возразил:

— Ну почему же — слышал.

— Нет, не в том смысле, о чём вы подумали, — поспешила объяснить мисс Мэнсис. — Это работа, очень редкая, но я всё же думаю, что её можно назвать занятием...

— Да, согласен с вами: именно это я и имею в виду. Думаю, что это действительно можно так назвать.

Мисс Мэнсис глубоко вздохнула и торопливо добавила:

— Мистер Памфрит, я должна вам всё объяснить. Думаю, вы не поняли: эти люди очень маленькие.

Констебль отложил авторучку и внимательно посмотрел ей в лицо своими добрыми карими глазами.

— Я их знаю? — Его голос звучал немного смущённо: какое отношение ко всему этому имеет их рост? — Они живут в деревне?

— Да, я уже говорила: они живут в нашем, мистера Потта и моём, городке, в макете игрушечного городка.

— В макете городка?

— Да, в одном из домиков — настолько они малы. Взгляд мистера Памфрита буквально застыл.

— Насколько малы? — переспросил он в полном недоумении.

— Пять-шесть дюймов¹ или около того. Они очень необычные, мистер Памфрит, и их очень мало. Вот почему я думаю, что их украли. Люди могут продать такую маленькую семью, как эта, за большие деньги.

— Пять-шесть дюймов? — повторил констебль, совершенно сбитый с толку.

— Да... — Глаза мисс Мэнсис неожиданно наполнились слезами, и она принялась копаться в сумочке в поисках носового платка.

Мистер Памфрит долго молчал, потом, спустя некоторое время, всё же спросил:

— Вы уверены, что не делали их?

— Разумеется, уверена! — Мисс Мэнсис высморкалась. — Как я могла их сделать? Я же говорю вам: они живые.

Мистер Памфрит опять принялся постукивать ручкой по нижней губе, взгляд его сделался отстранённым.

Мисс Мэнсис промокнула глаза, подалась к нему и твёрдо проговорила:

— Мистер Памфрит, мне кажется, что мы друг друга не понимаем. Как бы мне всё вам объяснить... Вы сами жили в разных домах. У вас никогда не воз-

¹ 12–15 см.

никало ощущения... впечатления, что, кроме людей, там живёт кто-то ещё?

Мистер Памфрит вообще перестал хоть что-то понимать. Что значит «живые», «люди», но не человеческие существа? Разве это не одно и то же?

— Ничего не могу сказать по этому поводу, — признался констебль так, словно извинялся.

— Но вы наверняка гадали, куда пропадают мелкие предметы. Ничего ценного, просто мелочи: огрызки карандашей, английские булавки, кнопки, пробки, коробочки из-под пилюль, иголки, катушки и всё тому подобное?

Мистер Памфрит улыбнулся:

— Мы обычно виним в этом нашего Альфреда, хотя никогда не даём ему играть с коробками из-под таблеток.

— Но, видите ли, фабрики в большом количестве продолжают выпускать иголки, ручки, промокательную бумагу, а люди всё это покупают. И всё равно под рукой в нужный момент никогда не оказывается английской булавки или палочки сургуча для запечатывания писем. Куда всё это пропадает? Я уверена, что и ваша жена часто покупает иголки или что-то в этом роде, и хотя все приобретенные ею иголки по идее должны лежать где-то в доме...

— Нет, в этом доме ничего подобного вроде бы не происходит.

— Да, в этом — нет, — согласилась с ним мисс Мэнсис. — Такое случается обычно в более ветхих домах, со щелями в полах, со старыми панелями на стенах. Добывайки живут в самых необычных местах, но большинство — за панельной обшивкой или даже под полом...

— Кто живёт? — спросил мистер Памфрит, будто услышал это слово впервые.

— Эти маленькие существа, о которых я пытаюсь вам рассказать...

— Вот как? Мне казалось, что речь идёт...

— Именно о них. Как я сказала, у меня их было трое. Мы сделали для них маленький дом. А теперь они исчезли...

— О да, понимаю... — Констебль снова постучал авторучкой по нижней губе, но мисс Мэнсис видела, что он не понимает ровным счётом ничего.

После короткой паузы мистер Памфрит, помимо своей воли, вдруг удивлённо спросил:

— А зачем им нужны все эти вещи?

— Они обставляют ими свои жилища. Добывайки могут найти применение чему угодно. Они очень сообразительные. Например, для этого маленького народца кусок толстой промокательной бумаги может стать отличным ковром, и его всегда можно обновить.

Промокательная бумага явно не соответствовала представлению мистера Памфрита об отличном ковре, и он снова погрузился в молчание, а мисс Мэнсис с отчаянием поняла, что запутала его ещё больше.

— Всё это не настолько необычно, как может показаться, мистер Памфрит. Ещё в далёкой древности было известно о «маленьком народце», как его называли наши предки. Здесь, на островах, сейчас много мест, где о нём говорят...

— И что, их можно увидеть? — спросил мистер Памфрит.

— Нет, их никто никогда не должен видеть. Всегда оставаться невидимыми для человека — их жизненно важный принцип.

— Почему?

— Они считают, что, если их увидят люди, это приведёт к гибели всего маленького народца!

— О господи! — После минутного раздумья констебль всё же рискнул спросить: — А как же вы? Вы ведь сказали, что видели их?

— У меня были особые привилегии, — уклончиво ответила мисс Мэнсис.

И снова наступила тишина. На лице констебля начало проступать беспокойство, да и посетительница почувствовала, что сказала слишком много. Их беседа становилась всё более напряжённой. Мистер Памфрит

всегда её уважал, она ему нравилась. Как же направить разговор в менее опасное русло? Мисс Мэнсис решила не усугублять ситуацию и попытаться как-то разрядить атмосферу:

— Вам, мистер Памфрит, не стоит волноваться. Я не прошу вас нарушать инструкции и всё такое прочее. Я хочу лишь одного: будьте так добры всего лишь зарегистрировать моё заявление о пропаже, на тот случай если они вдруг объявятся где-то в другом месте...

Констебль так ничего и не записал, закрыл свой блокнот и, натянув на обложку чёрную резинку, поднялся, как будто для того, чтобы было легче убрать блокнот в карман. Поймав удивлённый взгляд посетительницы, мистер Памфит пояснил:

— Я всё это запомню...

Мисс Мэнсис тоже встала и спросила:

— Возможно, вы хотите поговорить с мистером Поттом?

— Возможно, — осторожно ответил констебль.

— Он расскажет о них то же самое, что и я.

— Вы хотите сказать, — начал терять терпение констебль, — что мистер Потт тоже их видел?

— Конечно. Мы с ним говорили о маленьких существах.

Она вдруг неожиданно остановилась, поражённая пришедшей в голову мыслью. Что, если о маленьких

существах говорила только она? Да и видел ли их мистер Потт? Оглядываясь назад, охваченная своего рода паникой, она никак не могла вспомнить, чтобы мистер Потт хоть раз подтвердил, что видел маленький народец. Она сама предупреждала, чтобы их не тревожили, чтобы позволили жить своей жизнью. Даже в тот единственный день, когда она уговорила его посидеть в засаде возле маленького домика, никто из добываек так и не появился, а мистер Потт, разомлев на солнышке, в конце концов заснул. Возможно, все эти месяцы мистер Потт никогда по-настоящему её не слушал, а просто подтрунивал над ней. Человек хороший и добрый, он был весь в себе, с собственными маниями.

Заметив, что мистер Памфрит всё ещё не сводит с неё своих добрых карих глаз, сейчас удивлённых, мисс Мэнсис коротко рассмеялась и, посмотрев на свои часы, торопливо сказала:

— Думаю, мне теперь лучше уйти. Меня ждут в церкви: надо помочь миссис Уитлейс с цветами.

Когда мистер Памфрит открывал перед ней дверь, она чуть коснулась его руки и напомнила:

— Только заявление, мистер Памфрит, больше ничего. Или просто не забудьте об этом... Большое спасибо, что выслушали. Смотрите, дождь и правда перестал...

Мистер Памфрит постоял на пороге, глядя вслед мисс Мэнсис, которая уходила всё дальше по мокрому асфальту, длинноногая, какая-то вся угловатая, как девчонка. Сколько ей сейчас может быть? Сорок восемь? Пятьдесят? В глубоком раздумье он вернулся в дом и хотел было позвать жену, но передумал, подошёл к печке и уставился на огонь. Мыслями он был где-то очень далеко.

Потом, словно очнувшись, констебль достал блокнот, снял с него резинку и немного подумал, уставившись на почти чистую страницу. Наконец, будто на что-то решившись, он лизнул кончик карандаша и написал: «3 октября 1911 года», — затем, лизнув ещё раз, густо подчеркнул написанное и добавил: «Мисс Мэнсис». Подумав, что бы ещё написать, мистер Памфрит решил просто поставить знак вопроса.

Мисс Мэнсис шла по тропинке к церкви, прикрываясь зонтиком, словно пыталась скрыть своё смущение. Из головы у неё не выходил маленький народец (Ну конечно же, народец! Они люди: Под, Хомили, Арриэтта — только очень маленькие), для которого она создала дом (безопасный, как она думала) в игрушечном городке мистера Потта. Пода и Хомили она видела лишь издали, когда сидела, притаившись, за пышным кустом чертополоха, но Арриэтта — бес-